

КРОКОДИЛ

№ 19 МОСКВА ИЮНЬ 1933
Издательство ЦК ВКП(б) „Пресса“

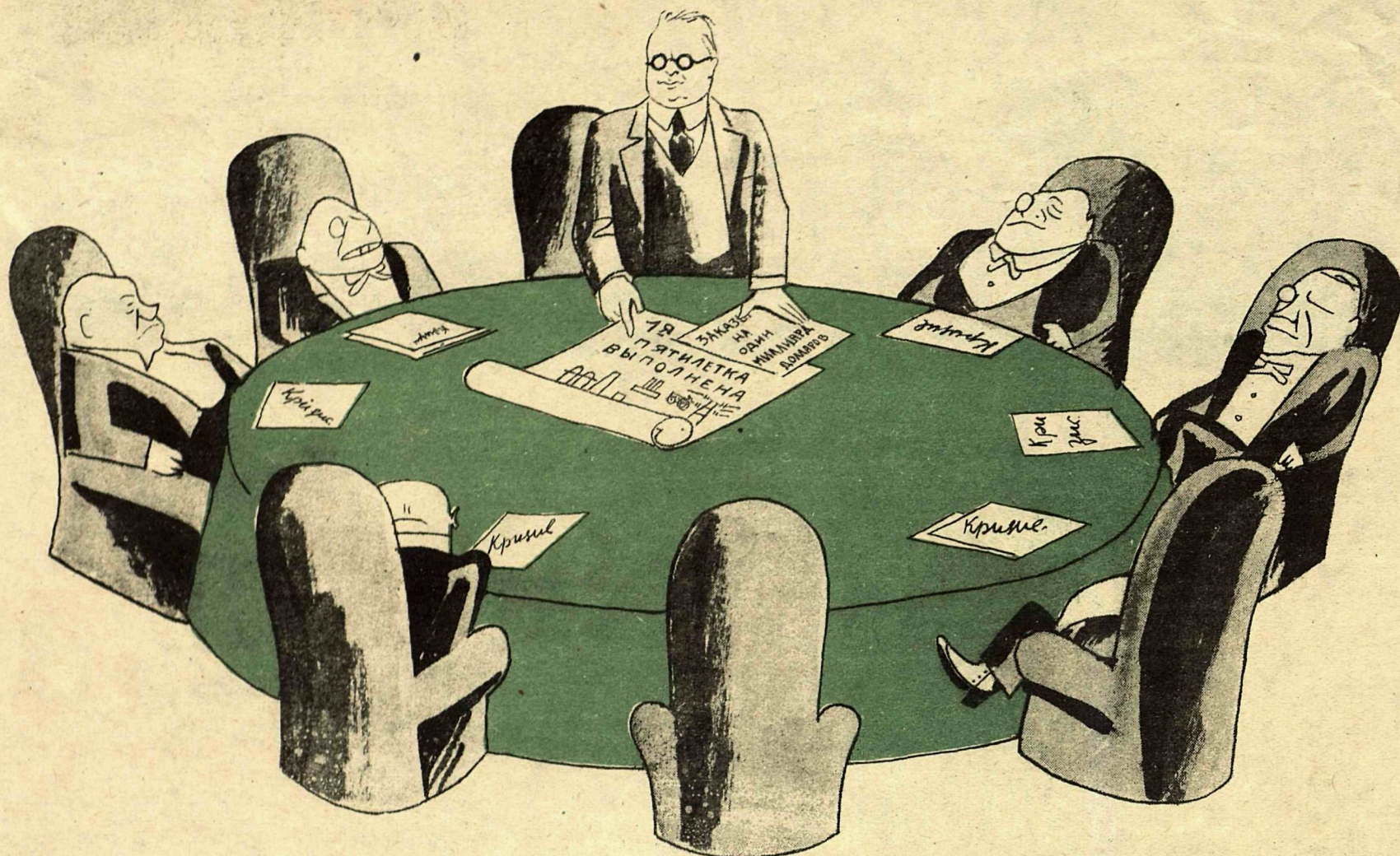
ЦЕНА НОМЕРА 30 КОП.

Х 556

12

— ГЛЯДИ, НАШИ ТРУДОДНИ УЖЕ ЗАКОЛОСИЛИСЬ!

ИМПЕРИАЛИСТЫ: — Какой солидный заказ дает СССР! Так бы и РАЗОРВАЛИ ЕГО на части.

„МОЕ“ И „НАШЕ“

Сменив просторным словом — наше
Словечко мелкое — мое, —
Сплошной ковер колхозных пашен
Меняет в корне бытие.

И вот порою с запозданием
Едиличный кус жуя,
Спешит запыхавшись сознание
За перестройкой бытия.

Колхоз, бригада... В каждом слове
Былой уклад трещит по швам,
И мудрость дедовских пословиц
Распалась, как трухлявый хлам.

Все те, чьи „хаты были с краю“,
Чье „дело было — сторона“, —
Теперь хотят узнать и знают,
Чем дышит нынче вся страна.

„Своя рубашка — ближе к телу“,
Но на весенней посевной
Она линяла и потела
Совсем не для себя одной.

„В своей сермяжке“ — стало тяжко!
„Своим домком“ — не проживешь, —

И на пиджак сменить сермяжку
Спешит в колхозе молодежь.

Среди бригады комсомолок
Погудка старая — глупая
„Короток ум, а волос — долог“, —
Так говорят лишь про попа.

И в прозодежде на комбайне
Веселых внучек увидав,
Замшелый дед, как в жаркой бане,
Потеет, мысли растеряв.

Впустую ворох поговорок
Перебирает голова, —
Смешны в колхозных разговорах
Былой премудрости слова.

Не смогут ни язык ни губы
Сказать владельцам трудодней:
„К обеду — бей жену, как шубу, —
А к ужину — еще сильней!“

И не „от печки — до порога“,
Как по-старинке было, — нет!
Сегодня женская дорога
Ведет в правление и совет.

И так — во всем. В амбар свезенный
Колхозный хлеб — не мой, не твой,
К нему нейдет оловцо „казенный“ —
Он — всенародный, трудовой.

Его колхоз блюдет сурово,
И вор колхозный — общий враг.
Не скажешь, что „казна — корова“,
А кто не доит, — тот дурак“.

Куда ни глянешь, — пахнет новью,
Нет прежней межевой ругни,
И вся страна следит с любовью,
Как колосятся трудодни.

Раздвинув „мир крестьянский“ тесный,
Весь мир в колхоз ворвался вдруг
Огромный, сложный, интересный,
Открытый для ума и рук.

Сплошной ковер колхозных пашен
Меняет кысли и житье,
Сменив просторным словом — НАШЕ
Словечко узкое — мое.

ВАС. ЛЕБЕДЕВ-КУМАЧ.

Рис. К. Ротова

— Ура! Провалился. Теперь стану безработным на год позже.

— Товарищ Прихожев!—сказал пред. проверкома. Прихожева мы не знали. Он перебрался к нам недавно, почти перед самой чисткой.

— Я родился, — начал Прихожев, — в 1901, в деревне, скорее в бедняцкой... да, скорее в бедняцкой, чем в середняцкой семье. Учился в приходской школе... С тринадцати лет на заработках...

Биография его оказалась не героической, но и не предосудительной: так себе, честная трудовая биография. Ознакомив нас с нею, он добродушно улыбнулся и добавил:

— Вот. А теперь, товарищи, можете гонять меня по программе и по уставу... Ну, и с важнейшими решениями партии я знаком. Конечно, если о тонкостях меня спрашивать, вроде теории равновесия или философской дискуссии, то собьюсь: в коммунистических академиях я не обучался. Ну, а насчет устава или программы...

— Подождите, — сказал пред. проверкома. — Ответьте вот на какой вопрос: почему вы чуть ли не каждый месяц меняли место работы? Прихожев подумал, вздохнул и ответил:

— Обстоятельства складывались! Конечно бывали и у меня ошибки в работе... Но по большей части определенно вели под меня подкоп классовые враги!

— Везде?..
— Везде. Где ж их нету! Классовая борьба — она обостряется нынче. Было бы вам известно, товарищи!

— Это нам известно. Но почему классовые враги именно на вас так ополчились?

— Ну, почему... — развел руками Прихожев. — Видят, что парень стойкий, линию ведет твердо: на такого-то и ополчиться!.. Да тут, в общем, дело ясное. Лучше б вы, товарищи, по программе меня погоняли или насчет устава: может, я не знаю чего?..

— Подождите. Вот, вам занесен в карточку строгий выговор за правооппортунистическую практику. Это что ж: тоже происки классовых врагов?

— Ихние. Для другого они объективные причины нашли бы. А тут видят — парень стойкий, линию ведет... Ну, и пришили!.. Понимают, в какое место сильнее уязвить! Вызверились!..

— Кто?.. Ведь выговор вам парторганизация вынесла, а не...
— Которые с партбилетами враги, — убежденно сказал Прихожев, — те всех опаснее. Знаю, на себе испытал. Да лучше б вы, чем каверзные вопросы задавать, насчет программы б меня...

— Нет, стойте! Выходит, по-вашему, что вся партия — классовые враги с партбилетами?

— Зачем все... Отдельные на поводу шли. А один воздержался от голосования. Да лучше б вы меня насчет...
— И вы не боролись с этими классовыми врагами?

— Как это не боролся? Для того и в партию вступил, чтоб с классовым врагом бороться. Если б не боролся, то ячейка меня б и не принимала. А устав и программу, хоть по пунктам спросите, я...

Но тут мы не выдержали.
— Клевета на парторганизацию!.. — крикнул один.
— Гнусное вранье!.. — высказался другой.

— Долой его!.. — завопил третий.
Председатель проверкома позвонил и сказал:

— Товарищи, успокойтесь. Прихожев не врет. Его действительно всюду преследовали классовые враги.

— А партия?.. Это как же?! — зашумели четвертый и пятый.
— И партия?.. — сказал председатель. — Она-то в особенности. Вы думаете, она после выговора оставила его в покое? Ничего подобного! На-днях эта партия выяснила, что Прихожев — сын богатого кулака. И теперь классовые враги с партбилетами...

— Самые опасные!.. — пробормотал Прихожев. — А устав я знаю и выполняю...

— Не придется вам его выполнять. Теперь ваши классовые враги с партбилетами навсегда освободят вас от этой обязанности.

ГРАМЕН

„ЭНТУЗИАСТЫ“

(Натюр-морт)

1.

Есть три способа поправить свои денежные дела:

написать бойкую пьесу;
выиграть десять тысяч по займу и состоять в Мосгоркоме писателей, особенно по „секции малых форм“.

Но для пьесы нужно иметь талант; для выигрыша — облыгации. Третий же способ самый легкий. Вступить в горком писателей можно, написав лишь одно произведение — вступительную анкету. Заполнив ее, автор смело идет, предположим, в „Главуголь“.

— Я из горкома писателей, — говорит он. — Всю жизнь мечтал о романе за уголь. Мирровая темка! Не хотите роман, — могу дать романс, пьесу, агитку, скэтч!..

Пока хмурый главбух выписывает под'емные и аванс под „угольный роман-скэтч“, ловкач успевает сбегать за уголь в „Центродуб“. Углов в Москве много. Доверчивых трестов и касс — еще больше. Забрав авансы под три романа и под'емные на четыре поездки — в Сибирь, на Урал, в Мурманск и в Астрахань, — „энтузиаст“ неожиданно уезжает в Сочи. С дороги он шлет под копирку телеграмму:

„Приглашен Камчатку срочно писать за оленей. Возвращения верну аванс“.

(Так примерно поступил небезызвестный поэт Е. Забелин, подписавший договора на несколько поездок, но выехавший в неизвестном направлении).

2.

Иногда предприятие попадает строгое: деньги дает, но требует и продукции. Тогда, прокатившись за счет предприятия куда-нибудь на Печору, „энтузиаст“ привозит примерно такой „опус“ из жизни самоедов.

Раз-два-три-четыре-пять,
Тюлень вышел погулять,
Самоед вдруг выбегает, он в тюленя
Вдвур стреляет, пиф-паф, ой-ой-ой,
Умирает тюлень мой...“

(Почти такие стихи привез из поездки на Печору известный поэт Кириллов. Стишки обошлись издательству „КОИЗ“ около двух тысяч рублей).

3.

Если „энтузиаст“ не владеет рифмой, он ходит прозой и пишет приключенческий роман по телеграфу.

Глава 1-я. „Шлите срочно двести“.
Глава 2-я. „Обокрали вокзале. Отсутствием денег теряю энтузиазм“.

Глава 3-я. „Заболел Баку, шлите триста“.
(Дословно так писал редакции „Голос рыбака“ Игорь Селенкин, командированный газетой на путину; иной продукции редакция не получила, кроме сообщения о пропаже данного Селенкину фотоаппарата. К чести горкома: после жалобы редакции „энтузиаста“ исключили из союза).

4.

Но что делать, ежели автор совсем не пишет ни стихов, ни пьес, ни прозы? Или если ему неохота писать? И тут есть выход, найденный одним ездившим от Главрыбы писателем.

СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТ В ПОДПОЛЬИ

Раз некий социал-предатель
В квартиру гитлеровца влез некстати
(То ль с пьяну ли, с испугу то ли)
И, чтоб хозяйна не оскорблять,
Немедленно ушел в „глубокое подполье“.
То-бишь залез, дрожащий, под кровать.
Хозяйна возвратилась. Полный дум
О драках, о расстрелах, пег, усталый,
Но под кроватью он услышал шум,
Какая-то возня фашиста изволировала.
Однако
Он тотчас же решил, что тут — собака,
Позвал: „Ты, Лебе, верная моя?“
И руку протянул...
Э-о-дек ее лизнул
И молвил: „Это я!“

Мораль из басни выведу едва ли:
Какая там вменьшевики мораль!

Р. РОМАН

Побывав за ее счет на Оби, поев стерлядей вволю, писатель явился и пред'явил вместо ожидаемых очерков и корреспонденций... 39 квитанций какого-то приполярного почтового отделения. При этом объяснил, что „все корреспонденции сгорели на почте“. Тяжелая загадка мучает Главрыбу и до сих пор:

„Если писатель Ерошин сдал все очерки сразу, то зачем ему дали 39 квитанций вместо законной одной? А если он сдавал их постепенно в течение двух месяцев поездки, то неужели за это время несчастная почта 39 раз подряд горела?“

(Загадка, заданная крестьянским писателем Ерошиным, обошлась Главрыбе тоже около двух тысяч).

5.

Есть, конечно, и работяги — „энтузиасты“. Один из них — член Всероскомдрама Глаголин сочинил марш „Рыбак колхозцентра“. Пострадавшие заказчики отделались нервным потрясением и убытками; смельчаков — исполнителей „марша“ не нашлось. Следов аванса — тоже.

Зато нашлось доверчивое „Кооперативное всесоюзное издательство“, которое (по данным его бухгалтерии) за один только год пострадало от „энтузиастов“ почти на 15 тысяч рублей... Мудрено ли теперь, что издательства и учреждения решительно уклоняются от заключения договоров на писательские поездки.

— Знаем, дескать, формь-то у вас малые, да убытки-то от вас большие!

ХРИСТОФОР КОЛУМБОВ

ВСТРЕЧА В СТРАТОСФЕРЕ

— От кого летите, коллега?
— От Академии наук.
— А я от фашистов.

ЛЮБОВЬ И КАРТОШКА

Будет мой фельетон этот понят каждому,
Он вызовет жар и смятение в крови,
Я давно заметил, что многих граждан
Интересует вопрос любви.
У гражданина в расцвете лет
Есть на примете своя Маня,
Для него любовь, безусловно, предмет,
Заслуживающий внимания.
К юному сердцу Григория Соколина
Любовь не исклала окольных троп.
И зачем ей мотаться путями окольными?
Она заявила к нему — в лоб.
Маша Круглова, его предмет,
Не имела особых примет.
Но, влюбляясь в нее все сильнее и сильнее,
Он глядел ей в глаза с нескрываемой мукой
И Машу при всех через пару дней
Уже называл Мухой.
Казалось бы, странно, но множество лиц
Из числа наших общих знакомых
От нежности делают из девиц
Парнокопытных и насекомых.
Но и девицы в области этой
Платят мужчинам той же монетой.
Да простят мне лирическое отступление
В область любовных глубин,
Как бы там ни было, но тем не менее
Гриша Соколин любил.
Но если ты любишь, то сердце готовь
На самые страшные муки.
Еще не бывала такая любовь,
Которая без разлуки.
Комсомолец, уставший от классовых драк,
Если влюблялся, то обязательно
Разлучал их немедленно классовый враг
По инициативе писателя.
Но мне против правды так просто нельзя
Уйти от сюжетного кризиса.
Разлучили их классовые друзья,
Ежели можно так выразиться.
Любовь оборвалась, как рвется струна.
В кармане с листочком любимого профиля
Григорий Соколин уехал на
Заготовки картофеля.
Как он выглядел в этом ответственном деле,
Трудно судить строго,
Но назад он явился на две недели
Раньше законного срока.
Но все-таки, как выяснилось далее,
Он перевыполнил даже задание,
Оттого ль, что горел комсомольским огнем,
Оттого ль, чтохватило зарядки и духу,
Оттого ль, что раньше хотел хоть днем
Увидеть свою Муху?
Но пока они строили замки, любя,
Комсомольский отсекар, прекращая идиллии,
Обратился к Григорию:
— Насчет тебя
Слушали — постановили:
„Приняв во внимание то-то и то-то
И ставя вопрос на ребро,
Соколину Грише за всю работу
Благодарность вынести на бюро.
Как ударнику наших колхозных полей
Партком настоял, чтобы дать бы
Соколину премию в триста рублей
(Вот, подумал Соколин, для свадьбы!).
Но, приняв во внимание, что Гришею добыт
В делах заготовок солидный опыт,
Как он комсомолец и дельный и ловкий,
Включив его в новый кварталный план,
Отправить на экстренные заготовки
В некий колхоз „Великан“.
Одновременно также Марию Круглову,
Привыкла бы к новой работе чтоб,
Направить в колхоз — „Пролетарское слово“.
(Гриша подумал — гроб!).
Напрасно старались они ретиво
Отбрыкиваться на бюро коллектива, —
Отсекар пожимал на прощанье ладонь,
Любовь не считая причиной.
— Ты, Гриша — сказал он, — еще молодой,
Но чувствуй себя мужчиной.
И напрасно Соколин брыкался у столика,
Где висел бородатый Маркс,
Что он, слава богу, мужчина настолько,
Что немедленно хочет в загс.
Отсекар вывертывался, как налим,
Отсекар был решительно неумолим.
Седали деревья, трещали мосты,
Ударяли морозы вновь,
Но, несмотря ни на что, остыть
У них не могла любовь.
И часто несла запоздавшая почта
Им нежные письма про то, что
Ищет любовь своего выраженья,
Жар подымая в крови.
И картофель обним им в воображеньи
Кажется плодом любви.
Но все-таки время несло, потому-то
Не аэропланы слетались, крылья,
Но Гриша и Маша с'ехались в утро
Первого февраля.

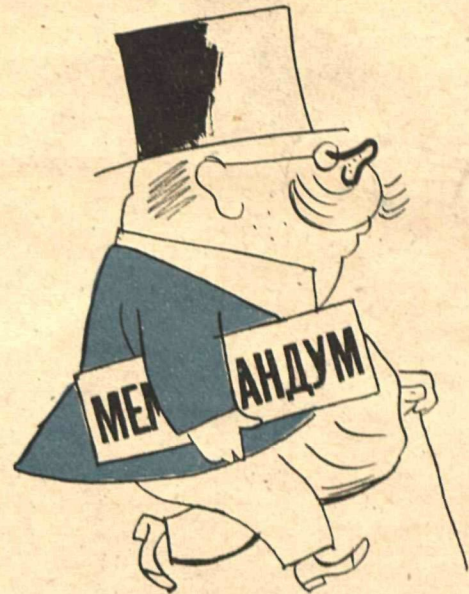
Как Гришу ни грызли любовные кошки,
 Но он сразу пришел на бюро и сказал:
 — Три тысячи тонн превосходной картошки
 Доставлены франко-вокзал.
 И дисциплине союза верна,
 То же самое сделала и она.
 Сколько бюро заседало времени,
 В общем не все ли равно.
 Приветствие им вынесли, вынесли премии,
 Благодарность им вынесли. Но...
 Так как вопрос заготовок — вопрос,
 Который ложится в основу,
 Гришу направить в один колхоз,
 А в другой направить Круглову.
 И напрасно Соколин рассказывал мухи,
 Говорил, что без Мухи и жизнь не полна,
 Отсекр заявил, что не нужно из мухи
 Делать слона.
 Тут надо сказать об отсекре, что он
 Ни в кого никогда еще не был влюблен,
 И, не ощущая волнения в крови,
 Просто не думал об этом.
 Он не был идейным врагом любви —
 Юноша был аскетом.
 Тогда, находясь в безусловном азарте,
 Соколин правдиво и голо
 Написал заявление в райком партии
 Через райком комсомола.
 Заявление он начал такими речами,
 Ничего от партийных отцов не тая:
 „Любили ль вы, как я?
 Бессонными ночами
 Страдали ль вы, как я?“
 Но мы, соблюдая известный такт,

Письмо сократили немножко.
 В нем просто Соколин доказывал факт
 Того, что любовь — не картошка.
 И вот седовласый отсекар райкома,
 Поседевший в пылу большевистских атак,
 На краю заявленья (наверное, дома)
 Написал (не дословно), но так:
 „Поскольку глубокие чувства, как-то:
 Любовь и др., живут у нас
 И поскольку картофель является фактом
 Питания широких масс,
 Об'единяя возникший вопрос,
 Направить обоих в один колхоз“.
 И под резолюцией, внизу, уголком
 Приписка была в комсомольский райком.
 „Дать отсекру понять, как сугубо труден
 И сугубо необходим
 Индивидуальный подход к людям,
 В особенности молодым“.

Автор просит прощенья,
 Как вы отгадали,
 За отсутствие в его фельетоне морали.
 Автор просить хотел и себя и вас...
 Ну, что ли, уверить отчасти,
 Что зиждется счастье широких масс
 На множестве индивидуальных счастлих.
 И организаторское искусство
 Это не есть ремесло:
 Так научимся к людям и к их чувствам
 Уметь относиться тепло!

ВЛАДИМИР СОЛОВЬЕВ

Рис. Л. Бродаты (тема М. Глушкова)

Гугенберг идет на экономическую конференцию.

(См. на обороте)

Рис. А. Топикова (тема М. Глушкова)

НЕОЖИДАННОЕ ОТКРЫТИЕ — Неужели вы партийный? Представьте, три года с вами
 служу и даже не подозревал-с!

Гугенберг возвращается с экономической конференции.

РЕЖИССЕР И ОКЕАН

Какой-то кинорежиссер
Готовил фильм из быта океана.
Он был на выдумку остер
И, вообще, работал рьяно.

На с'емке, не сходя с земли,
Он кадры пек, как пирожки кондитер.
И на Москва-реку направивши юпитер,
Скомандовал: — Пошли!..
Великий киноокеан
Служил бы образцом для пленок,
Но был в нем маленький изъян, —
Заметил бы и мальчуган, —
Что брод переходил куренок.

* * *

Читатель, вы не верите?
Идите на „Просперити“.

В. ГРАНОВ

ПО НЕТОЧНЫМ ДАННЫМ...

(Фельетон-корреспонденция)

Был такой случай в одном учреждении города Сокола. Заседание начали точка в точку, без опоздания. Даже сами удивились. Даже всем как-то неловко стало. Дескать, назначили в 8, и ровно в восемь все, как один, собрались. Председатель сам не свой от смущения:

— Вот, товарищи, тут все в сборе, уж и не знаю, как быть? Начнем, что ли?

И собранию не по себе:

— Раз уж собрались, — начнем, что ж поделаешь!..

Начали. В точности только никому неизвестно, когда окончили это удивительное собрание. Все заснули. Заснули нето на 49-м, нето на 147-м пункте повестки дня или ночи, — опять же в точности никому ничего неизвестно.

Ежели точнее говорить о точности в Соколе, то скажем о стенных часах. Тикают у них маятники, стрелки по циферблату прохаживаются, прямо любо-дорого какой завод.

Но в ту самую минуту, когда в бумажном отделе фабрики „Сокол“ стрелка показывает два часа, на почте — пять, в доме приезжих — пол седьмого, а в клубе — и все восемь часов.

Кстати, о клубе.

Смотрели мы там кинокартину и на часы поглядывали. Вот, где точность, так уж точность. Назначили сеанс на семь часов — значит начали в восемь. Назначили сеанс в девять, стало быть — в одиннадцать. Все в точности до одной сотой. Опоздания по расписанию.

Вздумала было наша бригада поехать в Печаткино за шесть километров по воде от Сокола, на моторе. Секретарь дирекции такой любезный:

— Мотор сейчас идет. Идите и садитесь!..

Идем и садимся. На берегу садимся. Никакого мотора нет. Пойдет, — когда придет. Когда придет, тогда и пойдет. А когда придет, — об этом ни на берегу ни на пристани в точности не знают.

— Подумаешь, — говорят, — велика штука — мотор. Тут и пароходы из Усть-Кубинска в Вологду по особому такому расписанию ходят: может, утром, может, вечером, а может,

завтра или в четверг после дождичка. Тогда уж обязательно!

— Но дождичек-то у вас ежедневно идет?

— То дождичек. У него свое небесное расписание. А это вода. Водный транспорт. Расписание у него водничье: вилами по воде...

Большая вода сейчас в реке Сухоне. Торопливая. А у берега баржи спят. На баржах срочный груз лежит. Лежит и дремлет. На берегу люди позевывают.

— Когда разгрузят? — спрашиваем.

— А вот неизвестно. Может, суток за двое, а может, и за все полмесяца.

Никому в точности ничего неизвестно. Спадет вода, — тогда уж, конечно, подумаем. Сидят на берегу и думают. А о чем они думают, — никому в точности неизвестно.

Может, о том, что придется кое-кому из них еще посидеть, только уж не на берегу...

— По неточным данным, — говорят здешние старожилы, — сокол есть птица быстрая и стремительная.

Нет, Сокол — не птица, а город. Город пролетариев бумажного цеха. И путь у него впереди большой, и полет у Сокола высокий. Но много еще в Соколе старых доверенных расейских ворон и черепах!.. От них все качества.

Л. МИТНИЦКИЙ и Р. РОМАН

ЭПИГРАММЫ НА ЕРМИЛОВА

Странный нрав у милого, —
Милый весь в Ермилова:
Вечером — целуется,
Утром — отмежуется.

НА АРХАНГЕЛЬСКОГО

Без пятен солнце! Где ты, где ты?
Есть и у гения грехи!
В твоём труде „ПОЧТИ ПОРТРЕТЫ“
Ты написал ПОЧТИ СТИХИ.

НА АРГО, написавшего комедию, в которой подвергается омоложению текст Аристофана.

Он пишет под Аристофана,
Но слог звучит довольно странно!
Стишки читаю я, профан,
И говорю: „Аргостофан“!

МИХ. ПУСТЫНИН

„КАПРИЗИС КОКЕТУС“

За последнее время открыта новая интересная болезнь. Доктора называют ее — „капризис кокетус“. Буквально по-русски — „каприз кокетки“.

„Каприз кокетки“ встречается повсюду, где имеется излишнее цацканье с людьми. Особенно часто болезнь свирепствует в больницах, санаториях и домах отдыха, где такое цацканье почти неизбежно.

Бывают довольно тяжелые случаи.

* * *

Петя Чукин пришел в больницу с обыкновенным ревматизмом. Не выше среднего. Особенно задаваться было не с чего. Петя отлично понимал заурядность своего положения и, пока его передевали в больничном, держал себя довольно скромно.

— Куда же его положить? В седьмую, что ли? Давайте так: Хлова переведем в четвертую, а Каплана положим на его место, а на место Каплана положим новенького...

Чукин даже законфузился: сколько хлопот из-за его персоны.

— Ну, иди, иди, миленький, — пригласила Петю седенькая няня, — давай пакетик я донесу.

Петя почувствовал себя трудно больным, которому даже и пакетик должна нести няня.

В палату он вошел еще робко. Но сосед по койке, уже подцепивший „капризис кокетус“, сразу заразил Чукина.

— Не ложись! Требуя сперва — пусть переменют койку, — хмуро посоветовал он, — у них есть лучше.

— Сейчас, сейчас, — засуетилась няня и приволокла новенькую койку.

— Вот, видишь, — усмехнулся сосед, — с ними, с чертями, надо держаться строго!

С этого момента зараза прочно вошла в Петю. Его идеологически и дисциплинарно слабый организм был целиком захвачен бактериями „капризис кокетус“. Остаток дня и ночь совершенно изменили Чукина.

Вместе с несколькими другими больными он стал карячиться и куражиться, доводя до изнеможения медперсонал и обыкновенных больных, не зараженных „капризом кокетки“.

Новая болезнь Пети проявилась в следующих тяжелых симптомах:

- а) больной не признавал правил внутреннего распорядка,
- б) больной чихал на всех больных и врачей,

в) больной изображал из себя пресыщенную, капризную барыньку:

— Воспрещается? А я хочу! Рекомендуется? А я не хочу! Покорнейше просят? А я не желаю!

Ни на какие уступки заболевший не шел:

— Что? Перейти в другую палату? Покорнейше благодарю! Мне и здесь хорошо!

— Да, но там вам будет лучше. Там удобнее вести над вами работу.

— А-га! Так и скажите, — вам удобнее там работать. Тогда тем более не пойду!

Особой привередливостью отличался Петя по части стола.

— Что вы мне даете? Это какие-то помои. Если нельзя заменить, — дайте, по крайней мере, еще тарелку.

Свои требования Петя предъявлял тоном назревающего скандала.

— Подать сюда сестру-хозяйку! Безобразия! Я буду жаловаться! К лечению даже собственной особы Петя стал относиться пренебрежительно. На свидании он приказал жене:

— Завтра принеси соленья: камсы или грибочков.

— Что ты, Петя! Ведь тебе запрещено по случаю анализов.

— Мало ли что запрещено. Разве они чего понимают. Они и курить запретили. Что ж, я брошу для них, что ли?

При обходе врачи редко находят Петю на месте.

— Чукин? Да он по обыкновению в уборной.

Уборная — центр общественной и умственной жизни заболевших „капризис кокетус“. Тут, в дыму и зловонии, они сидят днями, а иногда и ночами. Играют, даже на деньги, в „петуха“, рассказывают скверные анекдоты и смеются над своим лечением.

Окурки и спички бросают в писсуар и харкают на пол с таким расчетом, чтобы другим, обыкновенным больным нельзя было пройти.

Так карячился и всем мешал Петя до тех пор, пока больные не пригрозили написать на место петиной работы.

С этого момента болезнь Чукина пошла быстро на убыль.

В последний раз она проявилась, было, при выписке из больницы.

Выйдя на улицу, Петя полез в трамвай с передней площадки, хотя свободно можно было сесть и с задней.

— Разрешение имеется? — спросил вагоновожатый.

— Разрешения нет, но я из больницы...

— Без разрешения не полагается. В следующий раз соблюдайте правила...

— Я больше не буду, — и Петя сконфуженно прошел в вагон.

„Капризис кокетус“ — болезнь в сущности легко излечимая. Не надо только ее запускать.

Б. САМСОНОВ

КРОКОДИЛА

ОДНАКО ВОТ ЭТИ ФРУКТЫ ЗАБЫВАЮТ ОБ ЭТОМ

Наш советский рабочий хочет жить с покрытием всех своих материальных, культурных и всяких иных потребностей. Он имеет на это право, и мы обязаны обеспечить ему эти условия.

(СТАЛИН)

ПОД
РАЗВЕШНОЙ ШЛЯПОЙ

1.

Москвейстрет не выполнил еще постановления правительства о качестве пошивки швейных изделий.

— Это ничего, придерживайте только находу руками. Прекрасно лежать будет.

2.

При проверке обуви Союзкожснаббита, проведенной Центросоюзом, вся обувь пришла в негодность после 4-дневной носки. Отвалились подошвы, задники, стельки.

— Фокус удался, ботинок снимается, не развязывая шнурков.

3.

Агент тульского Горрабкооп, отправившись в командировку за перцем, привез на 152 руб. перца и истратил на командировку 5.800 руб.

— Вот так хорошо, а то мне ведь придется написать в отчете, что я за перцем в Сингапур ездил.

4.

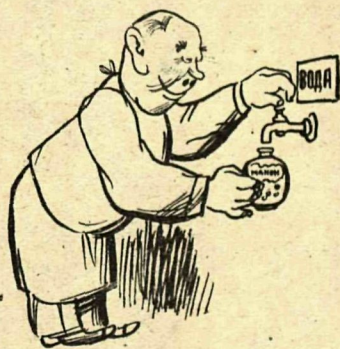
На уральской базе Крайпотребсоюза два года лежат два вагона березовых веников и масса шомполов.

— Веники приспособил, но боюсь, что все-таки жарко будет мне.

5.

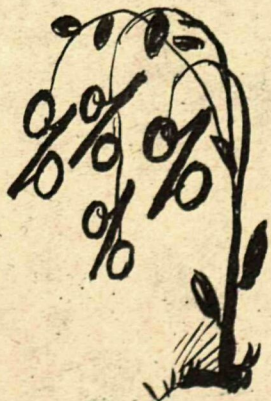
Фабрика ОМПК дешевые духи „Геллотрон“ наливает в дорожную упаковку „Манон“ и продает вместо 7 руб. за 19.

Есть еще более простой способ!

6.

Марийский Озетсоюз закупил клюкву за 6.700 руб., перепродал Горту за 20.000, Горт перепродал Крайгорту за 15 тысяч, потребитель заплатил 19 тысяч.

— Вот так клюкву!

7.

Стаканы „Красного мая“ вместе 150 граммов весят 300, косые, брака 3 млн стаканов.

— А говорят, стаканы плохи, слона и то выдерживают.

8.

Торгово-заготовительное управление МСПО пошло 12 тыс. юбок из колючего трико — рюжки. Носить их невозможно.

— Вот и приспособила. Ловить, рыба, большая и маленькая!

9.

На базе № 1 МСПО — 143 тыс. чайных ложек, годных к употреблению.

— Институт? Пришлите экспертов. Прислали какие-то детали, а и чему они, понять не могу.

МАРС И ЕГО ВОИНСТВО

Скромный колхоз в 190 хозяйств в Казакстане решил присвоить себе грозное имя бывшего бога войны — Марса. Почему именно „Марс“? В каком родстве состоит казахстанский колхоз с этим латинским опiumом?

Секрет открывается просто. В вышеизложенном казахстанском „Марсе“ имеется ни много ни мало 66 административных работников.

Естественно, что столь обильному воинству неудобно было присваивать другое имя. Предлагаем одно из двух: либо срочно переименовать колхоз, либо сократить это грозное воинство, об'едающее колхозников.

ДОННА-ЖУАННА СЕЕТ

Наконец-то Союзкино после длинного ряда деклараций начало сеять „разумное, доброе, вечное“ в колхозах и совхозах.

Оно приспособило к весеннему севу и прополке таких тружеников в кино, как „Донна-Жуанна“, „Генерал Топтыгин“, „Глупышкин и Макс Линдер“. Эти незаметные герои (незаметные буквально, ибо по дряхлости на картинах ничего не видно) свирепствуют в селах, как эпидемия.

Ударная работа этих персонажей настолько удовлетворяет Союзкино, что оно не считает нужным продвигать со складов Союзтехфильма двадцать технических картин о севе в сельском хозяйстве.

КОЛХОЗНЫЙ ПЕРСИМФАНС

Три культурника-массовика колхоза имени Фрунзе (Оренбург) устроили в колхозе настоящий персимфанс.

Первый культурник, целый день не выходя из комнаты, пишет стихи, начинающие принимать в колхозе характер общественного бедствия.

Второй так же самоотверженно играет на мандолине, набивая мозоли в ушах колхозников.

Третий поет таким необыкновенным голосом, что все собаки колхоза собираются в кучу и воют на луну, аккомпанируя этому таланту.

Чего же еще нехватает колхозу имени Фрунзе по массовой работе? Суших „пустяков“: соцсоревнования, выполнения норм, газеты, работы с массами и прочих „мелочей“.

„МЫШКА, ВЫСТУКИВАЙ!“

„Шалости телеграфа“ продолжают.

Телеграмма, посланная неким советским работником из Турченки в Народичи, была искажена так, что командировавшее этого работника учреждение отозвало его домой. Достаточно указать, что вместо слов „нужна тара“ народичские телеграфисты бухнули „нужна кара“...

А кому нужна кара, они из скромности умолчали... Неудобно, знаете, о самих себел..

25978
АРХИВ
10 ИЮЛ 1935
Д.К.Г.

ПОГАШЕНИЕ МИРОВОЙ ЗАДОЛЖЕННОСТИ